

Когда речь заходит о белорусском городе Слуцке, люди осведомлённые вспоминают, что его называли твердыней Православия и что краеугольный камень этой твердыни заложила праведная княгиня София Слуцкая, причисленная к лику святых Божиих. Однако мы не смеем забывать и других православных подвижников, чьи имена связаны со Слуцком. В частности, ревностно защищавшего праотеческую веру на белорусских землях протопопа Слуцкого Андрея Мужилковского; святителя Димитрия Ростовского, который "... по приглашению от Слуцкого Духовенства, переселился в Слуцк, и пребывая там в Преображенском православном же монастыре, целый год неутомимо трудился в проповедовании Слова Божия"; святителя Георгия Конисского, являвшегося членом совета той Слуцкой конфедерации (1767), что отвоевывала для православных Великого княжества литовского права, равные с католиками; несших служение в Свято-Троицком Слуцком монастыре архимандритов Иосифа (Оранского), Павла (Волчанского), Виктора (Садковского)...

Весьма значимое место в этом ряду занимает Михаил (Мануил) Козачинский – писатель, просветитель-педагог, философ, богослов и церковный деятель, с 1748 по 1755 годы духовно окормлявший Слуцкую архимандрию, центром которой являлся Свято-Троицкий монастырь, в этой обители упокоившийся о Господе и на её кладбище погребённый.

К сожалению (и к стыду нашему), современные белорусы памяти о нём не сохранили: имя его отсутствует в белорусских энциклопедиях, иных справочных изданиях, даже в специальных работах упоминается он крайне редко. С учётом всего упомянутого, хотелось бы поделиться собственными воспоминаниями о том, как складывались представления о названной личности.

У меня, на то время – молодого филолога-югослави́ста и литератора, большой интерес вызвала заметка в еженедельнике "Літаратура і мастацтва" с таким вот, непосредственно касающимся темы нынешней публикации, содержанием: "Не взята на учёт территория бывшего Троицкого монастыря, где в XIV–XV столетиях трудились слуцкие летописцы. На территории монастыря были похоронены многие деятели белорусской культуры древних времён. Значение этого памятника выходит за пределы Белоруссии. Здесь был похоронен

уроженец Белоруссии **епископ Козачинский** (*подчёркнуто нами. — И. Ч.*), который много сделал для просвещения народов Югославии. Буквально два-три года назад Народная библиотека Белграда просила Слуцкий краеведческий музей прислать фотоснимки Троицкого монастыря и фото надгробия Козачинского...” Автором этой публикации был Григорий Родченко, слуцкий краевед и публицист, устное выступление которого на ту же тему несколько позднее мне довелось услышать в Союзе писателей Беларуси.

Честно говоря, тогда меня заинтересовала не столько конкретная личность, сколько информация о белорусско-югославских связях вообще, в частности же — о том, что “много сделал для просвещения народов Югославии” некий “уроженец Белоруссии” и что им интересуется “Народная библиотека Белграда”. Должен признаться, упомянутого “епископа Козачинского” я тогда не связывал с фактами истории уже относительно известной мне литературы народов Югославии. Лишь позднее пришло понимание, что имеется в виду тот самый Мануил Козачинский, которого считают основателем сербской драматургии — именно так его роль определялась в исследованиях по истории литературы, культуры и просвещения Сербии, в соответствующего профиля справочниках. Однако там, естественно, помещались сведения, касавшиеся именно сербского периода деятельности Козачинского, не отражавшие его связей с Белой Русью. Правда, Властимир Эрчич, автор статьи в фундаментальном литературно-энциклопедическом издании “Лексикон писателя Югославии”, дал сведения, уточняющие то, что по-своему излагал мой белорусский коллега Родченко. А именно: “С сентября 1748 года — архимандрит Слуцкий и наместник Киевской митрополии. В Слуцке, в монастыре, административном центре архимандрии, умер “з жолтачки и опуху”. Похоронен на монастырском кладбище, которого, как и монастыря, давно уже нет”. Помимо всего, статья о Козачинском в “Лексиконе” включала довольно основательную библиографию, с помощью которой можно было вести дальнейшие поиски.

Результаты проведённых разысканий и обобщений позволяют сделать вывод, что Козачинского на протяжении XIX–XX веков не обходили вниманием учёные как Сербии (следует особо выделить исключительно скрупулёзные исследования В. Эрчича, в том числе его монографию), так и России, Украины. А вот белорусских материалов, кроме цитировавшейся “Лим”-овской заметки да упоминаний в нескольких книгах, найти не удавалось.

Между тем, если информацию из всех доступных на данный момент источников свести в краткую справку, то получится следующее.

Мануил Козачинский родился около 1699 года в семье шляхтича Александра Козачинского, жителя селения Ямполь (ныне Винницкая область Украины). Авторы некоторых публикаций указывают, хотя источники таких сведений не называют, что он был учеником и последователем Феофана Прокоповича, “путешествовал по славянским землям и Германии”, учился в Московской Славяно-греко-латинской академии. С несколько большей определённой очерчивается период его учёбы в Киевской (Могилянской) академии (конец 1720-х — начало 1730-х годов). Практически нет разногласий относительно того, что осенью 1733 года по приглашению Белградско-Карловацкого митрополита Викентия (Ёвановича) и по благословению Киевского митрополита Рафаила (Заборовского), он из Киева отправился в Сремские Карловцы — культурный центр в той части Сербии, которая находилась под австрийской властью. Судя по всему, Козачинский выделялся особыми качествами среди киевских коллег, которые были направлены вместе с ним в Сербию и впоследствии совместно трудились; в любом случае, все исследователи упоминают его намного чаще, нежели товарищей. Так или иначе, Мануил Козачинский в Сербии быстро “сделал карьеру”: начав с должности наставника латинского языка и риторики (поэзии) Сремско-Карловацкой школы (шестиклассной, самой высокой там), вскоре стал её префектом, затем ректором, а позднее — руководителем всей системы просвещения Митрополии, получив при этом ещё и статус “кафедрального (архиерейского) проповедника”. Относительно сроков пребывания Козачинского в Сремских Карловцах сведения расходятся. Не подлежит сомнению, что он там жил и успешно работал на протяжении 1733–1737 годов, до смерти Карловацкого митрополита Викентия; встречаются сведения, что впоследствии он занимался преподавательской работой также в Новом Саде и Северине, где епископом Симеоном (Филиповичем) был рукоположён в иерея. А видный историк литературы Ёван Деретич считает,

что Козачинский оставался в Сербии до 1739 года. Это, вероятно, результат влияния знаменитого Йована Скерлица, который в своё время отметил, что “Козачинский... в 1739 году был уже в России, а его место занял иеромонах серб Дионисий, воспитанник Киевской академии, позднее – владыка Будимский”. Но всё-таки большинство исследователей, включая и наиболее осведомлённого В. Эрчича, придерживается мнения, что Мануил Козачинский в Киев вернулся к середине 1738 года и был определён в Выдубецкий монастырь, где примерно через полтора года принял монашеский постриг с именем Михаил. Вскоре после возвращения из Сербии он получил также назначение исполнять преподавательские функции в Киевской академии “как внешний сотрудник”, а со временем поднялся на более высокие ступени академической лестницы – профессора, префекта. На этот, второй киевский период приходится большая активность и продуктивность его в литературном и научно-философском творчестве. Однако в 1746 году архимандрит Михаил покинул академию, некоторое время пребывал в Выдубецком монастыре на покое, затем был поставлен игуменом Красногорского монастыря в г. Гадяча, а с сентября 1748 года назначен наместником (коадьютором, как тогда именовалось) Киевской митрополии в Слуцкий Свято-Троицкий монастырь, где пробыл семь лет, вплоть до упокоения.

Что обычно более всего ставится в заслугу Мануилу/Михаилу Козачинскому? Почти все, писавшие о нём, обязательно упоминают авторство трагедии “Урош Пятый”, пространное название которой звучит так: “Трагедия сиречь печальная повесть о смерти последнего Царя сербского Уроша Пятаго и о падении сербского царства...”. Она состоит из десяти действий, пролога и эпилога, своеобразно отражающих историю Сербии с XII по XVIII века. В ней, соответственно, представлены исторические лица – Стефан (Неманя), Савва и Стефан Неманичи, король Стефан Душан, королевич Урош, королева – мать Уроша, Вукашин и др.; аллегорические фигуры – Сербия, Благодетствие, Зависть, Отчаяние, Славолюбие, Слостолюбие, История; персонажи античной мифологии – Беллона, Марс, Минерва, Паллас, сивиллы... Специалисты-литературоведы соотносят это произведение Козачинского с трагедокомедией Феофана Прокоповича “Владимир...” (1705). Примечательно, что десять лет спустя в Киеве Козачинский написал ещё одну историческую драму – “Благоутробие Марка Аврелия Антонина, кесаря римского...” (1844) – с использованием тех же художественных принципов и творческих приёмов. Правда, если первая из них создавалась, прежде всего, ради педагогических потребностей – для постановки силами учащихся карловацкой школы патристически-воспитательного спектакля на материале истории, то вторая посвящена правящей императрице Елисавете Петровне и писалась непосредственно в связи с её приездом в Киев. Первичный текст трагедии “Урош Пятый” утерян. Тот же, который известен по публикации, осуществлённой бывшим учеником автора, сербским архимандритом Ёваном Раичем, а в России опубликован А. Соболевским, представляет собой, наивероятнее, переработку Раича как “соавтора”, так как сам публикатор указывал, что “трагедия... ныне пречищена и исправлена”. Кстати, тот же Раич около 1763 года переработал стихотворение Козачинского “Приславна Сербие” и опубликовал его под новым названием – “Прискрбна грлице”, которое выделяло в образе Сербии уже особенности “скорбные”, а не “славные”.

Однако в Сремских Карловцах Мануил Козачинский создал не только два названных литературных произведения. Иное дело, что не всё, им созданное, сохранилось, а сохранившееся – вошло, как принято говорить, в активный оборот.

Как уже отмечалось, весьма активной и плодотворной была также литературно-творческая деятельность Козачинского после возвращения в Киев, где написаны “Образ страстей мира сего...”, “Благоутробие Марка Аврелия...”, “На вратах Киево-Печерских триумфальных...”, панегирики императрице Елисавете и графу Алексею Разумовскому и пр.

Здесь же, став профессором философии Киевской Академии, он проявил себя не только как систематизатор и транслятор философских знаний, но и как глубокий мыслитель, автор основательного трактата “Философия Аристотелева по умствованию перипатетиков...” (1745).

Личность Слуцкого архимандрита Михаила Козачинского должна вызывать интерес как феномен ярко персонализированного осуществления идеи

единства славян и славянской литературной общности в первой половине XVIII века. Причем Козачинский был не просто «связником» между разделёнными тогдашней геополитикой славянскими этносами, а действенным представителем общей словесности. И даже если серьёзно относиться к притягательной ныне идее «европоцентризма», то нельзя забывать, а стоит особо подчеркнуть, что Козачинский почти три столетия тому назад нёс в Австрию (то есть в самую что ни на есть Центральную Европу) знания и образцы восточнославянского словесного творчества.

Короче говоря, даже на основании того, что находится давно в поле зрения исследователей, можно сделать вывод: творческое наследие Михаила Козачинского весьма интересно и богато. А следует учитывать, что в разных публикациях содержатся ещё и упоминания о его рукописях, хранящихся в Музее СПЦ, Национальной Библиотеке Сербии, Библиотеке Матицы Сербской, Национальной библиотеке Украины, Национальной библиотеке Венгрии.

В связи с указанным лично у меня всё же вызывало и вызывает недоумение то, что слущкий период деятельности и творчества Козачинского оставался как будто за плотным тёмным занавесом. Разве есть какие-то серьёзные основания сомневаться, что этот период должен был стать плодотворным не менее, чем предыдущие? Как-никак, возраст архимандрита Михаила тогда — не старость, а зрелость, к тому же у него за плечами имелся незаурядный жизненный, творческий, научный, просветительский и священнослужительский опыт. Существенно также то, что подвизался он именно в Слуцке, представлявшем собою оплот православной духовности отнюдь не в абстрактном смысле: «Около Слуцкого Троицкого монастыря группировались Слуцкий — Преображенский, Мороцкий, Старчицкий, Грозовский, Заблудовский и Слуцкий женский Св. Илии», — напоминает М. О. Коялович, глубокий знаток истории отечества той эпохи, особо выделяя значение Слуцкой «корпорации монастырей». А каким на белорусских землях именно в те годы, когда в Слуцке нёс служение архимандрит Михаил, было положение православного священства с его паствой, очень конкретные свидетельства приводит архиепископ Афанасий (Мартос), повествуя о судьбе епископа Могилёвского Иеронима (Волчанского), который, кстати, приходился братом архимандриту Павлу Волчанскому, подвизавшемуся в Слуцком Свято-Троицком монастыре после Михаила Козачинского: «Иероним доносил в Синод Российской Церкви, что со времени прибытия его в Могилёв в 1745 году католики отняли в Белорусской епархии 30 церквей. Он умер 14 октября 1754 года, не дождавшись улучшения положения православных в своей епархии <...> Папа Бенедикт XIV буллой от 27 февраля 1755 года на имя польского коронного канцлера графа Малаховского требовал от короля и польского правительства, чтобы могилёвский «схизматический престол» был присоединён к католической вере и передан под управление полоцкого униатского архиепископа...» И всё это означает, что «коадьютор» Киевской митрополии, понятно, должен был все свои силы прилагать, чтобы и делом, и словом отстаивать Православие. Историк отмечает: «... Слуцкая архимандрия давно уже стала своеобразным авторитетом защитницы Православия в католической Польше, неуниатским «оплотом» на униатской территории, оазисом восточнославянской автохтонности в крае, густо испещрённом иезуитскими школами, на земле, где народ упорно держался своих истоков, сохраняя сознание о себе самом и о своей миссии по отношению к себе» (В. Ерчич). Так оценивая ситуацию, сербский учёный убедительно показывает, что «коадьютор» Козачинский, будучи твёрдым в вере, «неуступчивым и не наивным в правовых вопросах», не только достойно поддерживал, но ещё более утверждал «и авторитет архимандрита, и статус архимандрии, и силу народного лидера, чтобы свой народ защитить». В угоду принципам псевдотолерантности сейчас обычно покрывается молчанием суровая реальность, в которой Михаилу Козачинскому суждено было нести свой пастырский крест, особенно то жестокое давление иезуитов, с которыми приходилось вести и судебные тяжбы, и разного рода споры, и публичные диспуты, на которые он «не смущался... ходить». Фактов, свидетельствующих об этом, у Ерчича предостаточно. Но поскольку сейчас наша задача заключается в том, чтобы зафиксировать хотя бы его важнейшие, прежде известные, дела, то нельзя не упомянуть борьбу за восстановление сгоревшего Заблудовского монастыря, а в связи с этим — осуществлявшийся при архимандрите Михаиле и с его непосредственным участием перенос из

Заблудова в Слуцк мощей святого младенца Гавриила. Как выясняется, тогда получила известность и достаточно широко распространение стихотворная повесть об этом младенце-мученике, использовавшаяся в качестве “надгробка” — объяснения при мощах.

Автором этого произведения является Козачинский, есть ряд упоминаний, хотя в них речь ведётся о “сказании”, “повествовании”, “балладе” и о “брошюре” также...

Не меньший интерес представляет для нас ещё один текст, написанный архимандритом Михаилом Козачинским в Слуцке, — документ, который в изданном своде имеет следующее определение: “*Ответ православных на обвинения, помещённые католиками в безымянной брошюре. 1754*”. Он содержит самое что ни на есть “из первых рук” сведения, которые являются особо значимыми для нас сейчас, когда требуются простые, без приёмов лукавых, доказательств, сколь “толерантными” были предки наших братьев-католиков по отношению к нашим православным предкам и каким же в самом деле “мирным”, “идилличным” было их сосуществование. Очень нужно бы сейчас перепечатать документ этот в полном объёме, а затем по мере необходимости просто повторять, безо всяких “пристрастных” комментариев... Но мы в данном случае ограничимся двумя цитатами в собственном переводе:

“...Несправедливостей и притеснений по отношению к нам и перечесть невозможно <...> публично с процессиями ходить, с крестом святым тела усопших погребать запрещают нам, избивают, скандалы публичные устраивают, свечи у людей из рук вырывают, более того, и покойников с носилок сбрасывают, как это было в Бельске в 1746 и в Дрогичине в 1753 годах, и в других городах тоже; пресвитерам нашим, Греко-Русским неунитам, открыто со свечами и в облачениях церковных к больным ходить запрещают, по дороге камнями забрасывают, насмеваются, поносят, богохульствуют и иные немислимые увеселения устраивают; церковей Божиих на стародавних местах при стародавних фундашах новые учреждать и бывшие реставрировать per omnia fortia ясновельможный наипреподобнейший господин епископ виленьский Михал Зенкевич на синодах своих епархиальных запрещать и не допускать строго приказал”; “O Deus bone! Сколько возмутительного в Могилёве, в Кричеве, а в прошлом, 1752 году, монастырь, именующийся Соломырицким, и другой монастырь — Селец в воеводстве Минском — с подданными, с селом безо всякого основания силой перевели в унию, третий монастырь, называемый Марковым, armata manu штурмовали, однако наши преобладали и не сдались; так же и в нынешнем году Martii ultimus, на Невельщине силой церковь переведена в унию...”

Этим свидетельством о положении православного народа на белорусских землях в середине XVIII века позвольте завершить краткий очерк об архимандрите Михаиле Козачинском, в данном случае — надёжном свидетеле беззаконий. Но не только. В связи с чем хочется выразить надежду, что удастся всё-таки восстановить подробнее обстоятельства жизни и деятельности этого отнюдь не заурядного служителя Церкви Христовой на Случчине. Соответственно, ко всем, кто располагает какой-то информацией, просьба поделиться ею, сделать достоянием современных поколений, наследников праведной Софии Слуцкой. Это — во славу Божию; и во славу подвижников Православия на родине нашей.